

Однако эти лотосы, вынесенные из оранжереи, вероятно, не проживут долго, и только на эту ночь они смогут показать свою красоту.

Гу Шэн с удивлением посмотрела на девятое высочество.

В оранжевом свете фонарей профиль девятого высочества был словно у небожителя. Один взгляд на него мог затмить красоту всех лотосов в пруду, но при этом в облике чувствовалась какая-то неуловимая холодность.

Гу Шэн хотела сказать девятому высочеству, что это слишком жестоко, и лучше было бы любоваться цветами в оранжерее.

Но настроение Цзян Чэньюэ все еще было под влиянием Гу Жао, и выражение лица оставалось суровым, поэтому Гу Шэн не решилась ничего сказать.

Казалось, Цзян Чэньюэ почувствовала взгляд Гу Шэн. Она повернула голову и увидела, как Гу Шэн опустила глаза и смущенно поправила свою прическу.

Затем рукав её платья слегка сполз, обнажив браслет из тьяньхуана на запястье — Гу Шэн надела на себя все драгоценности дома, отправляясь во дворец!

Её светло-золотые глаза вдруг блеснули.

Когда Гу Шэн снова подняла взгляд, она увидела, что изысканное лицо девятого высочества уже потеряло свою холодность. Оно слегка улыбалось, и в прищуренных глазах появилось какое-то странное удовлетворение.

Эта улыбка словно говорила Гу Шэн: опасность миновала, настроение маленькой негодницы восстановилось!

Но почему? Гу Шэн была в полном недоумении.

Дворцовые слуги передали Гу Жао служанкам, ожидавшим у ворот, но не рассказали о причине её наказания. Служанки, принимая свою госпожу, не стали внимательно рассматривать её при свете фонарей, решив, что она просто напилась.

Увидев, что за ними следует еще одна карета с врачом, служанки восхитились заботой первого принца о Гу Жао и порадовались за свою госпожу, решив, что её положение второй жены скоро будет утверждено.

Однако, когда они внесли Гу Жао в карету и зажгли свет, их охватил ужас при виде синяков и ссадин на её лице. Они поспешно велели кучеру ехать как можно быстрее обратно в дом.

Когда они вернулись в усадьбу князя Чэньяня, слухи о травмах Гу Жао быстро распространились. Служанки и старухи поспешили сообщить своим господам «радостную новость», а другие наложницы, услышав об этом, злорадствовали.

С тех пор как эта Гу Жао появилась в доме, она пользовалась особой любовью князя Чэньяня, что вызывало зависть у многих.

Среди всех наложниц только она, после трех визитов к главной жене, перестала соблюдать правила, но никто не осмеливался открыто упрекнуть её.

Князь Чэньянь поселил её в самом живописном дворике дома, специально проделав проход в

стене, чтобы он мог напрямую попадать из своего кабинета в покои Гу Жао, что говорило об их особой близости.

Даже на этот раз, на праздновании дня рождения младшего князя, князь Чэнъянь взял с собой и главную жену, и Гу Жао, чтобы все слуги поняли: хотя их статусы различались, в сердце князя Чэнъяня они были равны, и никто не должен был недооценивать Гу Жао.

Однако, несмотря на весь этот блеск, Гу Жао вернулась домой после пира с побоями...

Врач, обработав раны Гу Жао, не стал сразу давать ей отрезвляющий чай, оставив её в бессознательном состоянии.

Иначе, очнувшись, она бы мучилась от боли, обливаясь потом, и перевязка стала бы еще более болезненной.

Вскоре кареты князя Чэнъяня и главной жены также вернулись домой. Первый принц, даже не сняв плащ, поспешил в покои Гу Жао, чтобы проведать её.

Узнав о её состоянии, он оставил врача в доме.

Только на следующее утро, в час чэнь, Гу Жао наконец очнулась. Как только она открыла глаза, жгучая боль на щеках заставила её инстинктивно потянуться к ранам.

Это движение только усилило боль, и Гу Жао вскрикнула. Служанка тут же подбежала и схватила её руку, испуганно сказав:

— Госпожа! Не трогайте лицо, на нём ещё лекарство!

Гу Жао с трудом успокоилась, преодолевая невыносимую боль, и, немного придя в себя, нахмурилась и посмотрела на служанку:

— Что случилось... что с моим лицом? Принесите зеркало!

Служанка тоже не знала, что произошло.

Первый принц провел всю ночь у постели Гу Жао, а утром отправился во дворец, оставив указание слугам хорошо заботиться о ней. Его слуги хранили молчание, и сколько бы ни расспрашивали в задних покоях, никто не смог узнать, что случилось.

Увидев в зеркале свое опухшее и покрасневшее лицо, Гу Жао чуть не упала в обморок. На мгновение её ум был пуст, но затем она начала изо всех сил вспоминать, что произошло.

Она помнила, как пила вино с женами высокопоставленных чиновников, но ближе к концу пира воспоминания стали отрывочными.

Она словно видела Гу Шэн и... первого принца, но как эти двое могли приказать ударить её?

Гу Жао закрыла глаза, стараясь вспомнить. В её памяти мелькнул образ человека в желтом одеянии.

Она лишь смутно помнила, что это был важный человек, но цвет его одежды отличался от императорского. Кто же это мог быть?

Как ни старалась, Гу Жао не могла точно вспомнить, что произошло прошлой ночью, но она

была уверена, что натворила что-то ужасное!

Она с тревогой ждала до вечера, когда первый принц вернулся и сразу же пришел проведать её, что немного успокоило Гу Жао. По крайней мере, первый принц не стал её винить.

Когда первый принц вошел в спальню, Гу Жао прикрылась платком и, всхлипывая, закричала:

— Ваше Высочество! Не подходите! Я ужасна!

Этот крик заставил сердце первого принца сжаться. С печальным выражением лица он сел на кровать, обнял Гу Жао и тяжело вздохнул.

Увидев, что первый принц не собирается её ругать, Гу Жао осмелилась спросить:

— Юнь Чэнь, что случилось прошлой ночью?

Первый принц не мог подробно рассказать, как сам приказал ударить её, и лишь уклончиво сказал:

— Это все из-за твоей младшей сестры из Дома Гу!

— Это она?! Конечно, это она! — Гу Жао тут же закипела от гнева, через некоторое время с трудом выдохнув. — Ваше Высочество... Вы должны заступиться за меня!

Первый принц тут же громко произнес:

— Разумеется! Я непременно верну тебе этот удар за ударом!

Гу Шэн провела всю ночь в саду с девятым высочеством.

Ей было жаль этих лотосов, которые скоро завянут, и это отражалось на её лице.

Поэтому, покидая дворец, девятое высочество приказало садовнику перенести из оранжереи один из самых крепких лотосов в изысканный фарфоровый горшок и подарило его Гу Шэн, чтобы та могла любоваться им дома.

Этот лотос был сорта Хуан Цяои, с нежно-желтыми лепестками и ярко-оранжевой сердцевинкой. Гу Шэн никогда раньше не видела такого сорта, но раз это был подарок девятого высочества, он, несомненно, был редким.

Гу Шэн и так чувствовала себя виноватой за то, что ради своего удовольствия обрекла цветы на гибель, а теперь, уходя, она снова увидела, как девятое высочество «убивает» еще один редкий лотос, и в её сердце закралось чувство вины.

По дороге домой Гу Шэн сама несла горшок с Хуан Цяои, и её сердце бешено билось.

Странно, но как только она успокоилась в карете, Гу Шэн почувствовала, что все тело горит. Она всегда боялась холода, и в такой морозный декабрьский день это было крайне необычно.

Гу Шэн глубоко вздохнула и машинально потерла шею, вдруг осознав, что её тело отреагировало на что-то. Боевые феромоны все еще витали вокруг неё!

Её сердце замерло, и она быстро отодвинула занавеску кареты, чтобы вдохнуть холодный воздух.

Это движение испугало Шилю, которая поспешила подойти и потянула занавеску, испуганно спросив:

— Сестрица, что случилось?

Гу Шэн махнула рукой, нахмурилась и, с выражением боли и тревоги на лице, высунула голову и велела кучеру ехать быстрее, думая, что вернувшись домой, она должна будет тщательно вымыться, чтобы смыть с себя эти запахи.

Но едва она вернулась домой, как увидела госпожу Янь, которая металась в тревоге, и с беспокойством спросила:

— Почему так долго?

Гу Шэн не хотела беспокоить госпожу Янь, поэтому не стала рассказывать о происшествии с Гу Жао, а лишь сказала, что девятое высочество задержало её, чтобы полюбоваться лотосами.

— Лотосами? В декабре? Какие лотосы?

Под удивленным взглядом госпожи Янь Гу Шэн велела слуге показать лотос, чтобы мать могла увидеть его своими глазами, а сама поспешно приказала служанкам нагреть воду для купания.

— Купание? — госпожа Янь была еще больше удивлена и сразу же отказала. — На улице мороз! Что ты затеяла? Если хочешь мыться, подожди до завтра, когда нагреют мыльню!

<http://bllate.org/book/16655/1526619>